

УДК 82.6

СТИХОТВОРЕНИЕ В.М. ШУКШИНА «О РЕМЕСЛЕ»: ОТ ТЕКСТОЛОГИИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2013 Д.В. Марьин

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Поступила в редакцию 15.1.13

Аннотация: В статье приводится текстологический анализ стихотворения В.М. Шукшина, а также показаны пути интерпретации данного произведения.

Ключевые слова: Русская литература XX в., творчество В.М. Шукшина, стихотворения, текстология, интерпретация.

Abstract: The article provides a textual analysis of the poem of the famous russian writer V.M. Shukshin, and shows the ways of its interpretation.

Key words: Russian literature of the XX'th century, creation work of V.M. Shukshin, poems, textology, interpretation.

Тот факт, что В.М. Шукшин писал стихи, наверное, у сегодняшних поклонников творчества писателя может вызвать некоторое удивление. Однако для современников, особенно тех, кто был близко знаком с Шукшиным, его увлечение стихосложением секретом отнюдь не было. О.М. Румянцева, редактор журнала «Октябрь», вспоминала, что у нее дома, в один из новогодних вечеров 1961 г. начинающий писатель читал собственные стихотворения: «Свет погасили, Вася сел на краешек дивана и стал читать... Все увлеченно слушали его. “Но что это он читает? – подумалось мне. – Такого поэта я не знаю!” И вдруг меня осенило: ведь это его стихи! Он свои читает!.. Это было совершенно неожиданно, я не знала, что Вася пишет стихи» [1, 286]. По свидетельству А.С. Макарова, в марте 1963 г., находясь в Сростках в рамках творческой поездки по Сибири «Молодые кинематографисты – народу», В.М. Шукшин со сцены сельского клуба «читал свои стихи о Степане (Разине. – Д. М.) и его никак не отпускали, хотя время шло, а одна кинопрограмма занимала у нас два часа с привесом» [2, 177]. Установлено, что писатель включал небольшие стихотворные фрагменты в свои прозаические произведения, тем самым подчеркивая синтетический (не только эпический и драматический, но и лирический) характер своего творчества. Биограф Шукшина В.И. Коробов писал: «Все же очень и очень жаль, что до сих пор не удалось разыскать тетрадок со стихами Шукшина <...>. Пока же мы знаем как принадлежавшее перу Шукшина приведенное выше лирическое

стихотворение (оно дано как эпиграф к рассказу “И разыгрались же кони в поле”) и некоторые песни в романе “Я пришел дать вам волю”» [3, 71].

Но, несмотря на все вышесказанное, стихи никогда не рассматривались исследователями как особая часть творческого наследия В.М. Шукшина. Отчасти виной тому недоступность рукописей, содержащих поэтические опыты писателя. И вот в 2009 г. к 80-летию юбилею В.М. Шукшина на его малой родине, Алтае, было опубликовано восьмитомное собрание сочинений писателя. В восьмом томе этого издания [4], составление и редактирование которого было поручено автору данной статьи, впервые были напечатаны 13 стихотворений Шукшина. Из этого числа абсолютное большинство – 12 стихотворений, были переданы редколлегии собрания сочинений лично вдовой писателя Л.Н. Федосеевой-Шукшиной в виде сделанных ею и отредактированных рукописных копий с черновиков писателя. Более того, согласно предъявленным вдовой условиям договора с издательством, публиковаться тексты стихотворений должны были исключительно в ее редакции. При этом, к сожалению, членам редколлегии не были представлены автографы Шукшина, содержащие его стихотворения, что не позволило провести их текстологический анализ, сделать вывод о степени проведенной обладателем авторских прав редакторской правки и, в конечном итоге, несомненно, помешало их адекватной интерпретации.

Тем не менее, одно стихотворение все же печатается нами в составе 8 тома собрания сочинений по шукшинской рукописи. В 2008 г. вдова писателя передала на временное хранение

© Д.В. Марьин, 2013

в фонды Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина (с. Сrostки Бийского р-она Алтайского края) две рабочие тетради писателя. Одна из этих тетрадей (амбарная книга) содержит черновик 2-й части 1-й книги романа «Любавины», а также 12 рабочих записей и одно стихотворение. Содержание двух записей позволяет определить время работы Шукшина с материалами тетради: август 1961 г. Обратимся к черновику стихотворения. В настоящее время – это единственный известный (и доступный для изучения) исследователям автограф с текстом стихотворения Шукшина. Транскрипция рукописи стихотворения выглядит следующим образом:

О ремесле
 Делайте, что хотите.
 Музы!.. [к]! [сволочи!] [Я измучился...]
 [что] Душу надо?
 [Все, что имею.] Могу [отдать.] продать.
 [Могу отдать,] Славу встречу!
 [Славу встречу!] [Научите]
 Научите
 Словом, как дротиком попадать.
 После сводки получаем основной текст произведения:

*О ремесле
 Музы!.. Делайте, что хотите.
 Душу надо? Могу продать.
 Славу встречу!
 Научите
 Словом, как дротиком попадать.*

Обращение к черновому тексту позволяет увидеть сложную картину умственного и эмоционального состояния автора в ходе работы. Текст стихотворения, как видим, претерпел в процессе работы ряд изменений. Первые строки (позже перечеркнутые автором) в начальном варианте выглядели иначе:

*Музы!.. Сволочи! Я измучился...
 Все, что имею
 Могу отдать.
 Славу встречу!* и далее по тексту.

Как видим, в начальном варианте традиционное для художника-творца обращение к Музам сопровождается неожиданной инвективой (*Сволочи!*) в их адрес. Повышенная эмоциональность первой строки подчеркивается и словами «Я измучился...». Очевидно, что Шукшин передает здесь ощущение творческого кризиса, которое также найдет выражение в близком по времени к созданию записи письме к И.П. Попову от 12 ноября 1961 г.: <...> *Зарылся я в мелкие делишки по ноздри – прописка, жильё, лживый кинематограф... Ни глоточка вольного ветра. Горизонта месяцами не вижу. Пишу – вычерпываю из себя давние впечатления.* <...> [4, 221]. Сам Шукшин здесь,

по сути, констатирует наличие творческого кризиса, в котором оказался. Действительно, вторая половина 1961 г. стала крайне «неурожайной» для Шукшина-писателя в аспекте публикации произведений. Напомним, что первый рассказ Шукшина был опубликован в 1958 г. в журнале «Смена». Однако далее последовало почти трехлетнее молчание. Если опереться на неудачный опыт контактов Шукшина в 1960-1961 гг. с редакцией журнала «Знамя»², в котором он хотел опубликовать свои рассказы, то можно сделать вывод о том, что начинающий автор не смог в это время заинтересовать своими произведениями редакцию «толстых» литературных журналов. В 1961 г. впервые после трехлетнего затишья в номере газеты «Труд» от 26 марта публикуется рассказ «Правда», а в мартовском же № 3 журнала «Октябрь» выходит подборка «Три рассказа», включавшая рассказы «Правда», «Светлые души» и «Степкина любовь». Однако затем вновь наступает период молчания: до конца 1961 года ничего не публикуется, следующее по времени появление Шукшина в печати – рассказ «Приглашение на два лица» в газете «Комсомольская правда» от 1 января 1962 г. Это молчание, вполне возможно вызванное творческим кризисом, начинающий писатель, переживал очень остро: имея за плечами только 5 опубликованных рассказов, Шукшин, тем не менее, претендовал на звание писателя, о чем свидетельствует отрывок из того же письма И.П. Попову (от 12.11.1961): <...> *Как мне хочется, Ваня, чтоб ты довел эту работу, не бросил бы. Она трудна, знаешь чем? – покоем своим. Сужу об этом, как литератор и актер <...>.* Отсюда и эмоциональность автора в обращении к музам. Музы, по всей видимости, услышали призыв молодого литератора: следующий 1962 год оказался необычайно продуктивным для Шукшина-писателя в плане публикации произведений. В течение 1962 года 11 рассказов были напечатаны как в известных толстых журналах: «Октябрь», «Москва», «Молодая гвардия», так и в центральных газетах: «Труд», «Комсомольская правда» и «Советская Россия». Очевидно, что эти рассказы в большинстве своем были подготовлены Шукшиным в конце 1961 – начале 1962 гг.

Теперь обратим внимание на следующие 2 строки первоначального варианта: «*Все, что имею / Могу отдать*». Это «*все, что имею*» в финальном варианте называется прямо: «*Душу надо? Могу продать*». Да и позиция автора в отношении цены договора с «Музами» в окончательном варианте стихотворной рабочей записи уже более радикальна: вместо зачеркнутого «*отдать*» следует «*продать*!» Однако прецеденты продажи души Музам в литературе, пожалуй, неизвестны, а вот Сатане – да. Причем речь идет именно о **договоре**: в шукшин-

ской записи ясно прописаны контрагенты (автор и «Музы»), а также обязанности договаривающихся сторон («Музы» дают славу и учат владению словом, автор платит продажей души). Согласно Ю.М. Лотману, в русской культурной традиции «договор возможен только с дьявольской силой или с ее языческими адекватными (договор мужика и медведя)» [7, 345]. По Лотману *договорное сознание*, магическое по своей основе, предполагает взаимность и эквивалентность обязанностей контрагентов. Этим оно противопоставлено *религиозному акту*, в основе которого лежит не обмен, а безоговорочное вручение себя во власть. «Одна сторона отдает себя другой без того, чтобы сопровождать этот акт какими-либо условиями, кроме того, что получающая сторона признается носителем высшей мощи» [7, 346]. Мотив продажи души, конечно же, не только придает шукшинской записи метафизический смысл, но и актуализирует интертекстуальные связи рабочей записи с целым рядом произведений русской и мировой литературы: «Повесть о Савве Грудцыне», «Фауст» И.-В. Гёте, «Портрет» Н.В. Гоголя, «Портрет Дориана Грея» О. Уальда, «Дьявольская бутылка» Р.Л. Стивенсона, «Доктор Фаустус» Т. Манна и др., в которых поднимается тема сговора героя с нечистой силой. Тексты, затрагивающие вопросы покупки художником за душу творческого успеха (гоголевский «Портрет» и др.), оказываются максимально близки по смыслу и мотивам шукшинской записи³. Интертекстуальные связи переходят в транстекстуальные: тема чертовщины неоднократно встречается в творчестве самого Шукшина, принимая разные способы воплощения в рассказах «Капроновая елочка», «Свояк Сергей Сергеевич», «Крепкий мужик», в сказке «До третьих петухов» и др. В сказке «До третьих петухов» мотив заключения договора с чертом представлен явно: Иван подсказывает чертям, как войти в монастырь, в обмен на обещание устроить встречу с Мудрецом. Причем воздействие на стражника осуществляется словом — через песню, которая «рвала душу». Завуалированный договор Шукшина с дьявольской силой, конечно же, не следует воспринимать буквально. Скорее это экзальтированный всплеск нереализованного желания полноценного вхождения в литературу, гипертрофированного стремления к славе.

«Славу встречу!» — эта строка неизменной перешла в финальный вариант стихотворения. Автор, очевидно, здесь не колебался ни в содержании тезиса, ни в способе его выражения в словесной форме. Стремление Шукшина к славе отмечают многие, кто был знаком с ним (см., например, [8, 13]). Об этом же свидетельствуют и строки из письма Шукшина к сестре, Н.М. Зиновьевой, датированное ноябрём 1961 г.: «<...> Мы все где-то ищем спасения. Твое спасение в детях.

Мне — в славе. Я ее, славу, упорно добиваюсь. Я добьюсь ее, если не умру раньше <...>» [4, 224].

«Научите / Словом, как дротиком попадать». Автор стихотворения просит у «Муз» не только славы самой по себе. Для него важен путь к славе через мастерство владения словом. Данная строка перекликается с рабочими записями, в которых Шукшин говорит о принципах языка и поэтики литературного произведения: «Надо уважать запятую <...>»; «Что такое краткость? Пропусти, но пусть это будет и дураку понятно — что пропущено <...>» и др. Обратим внимание на то, что писатель в своей стихотворной рабочей записи говорит не об *искусстве* владения словом, а о *мастерстве, ремесле* (что отражено уже в заглавии). Характерно, что отзывы рецензентов журнала «Знамя» [9], относящиеся к 1960 г., выделяя талант начинающего писателя, в качестве слабой черты указывали на недоработку рассказов, что, конечно, можно объяснить недостатком мастерства. Сугубо «технический» аспект писательской деятельности подчеркнут сравнением его с мастерством метания дротика. «Военная» семантика в описании процесса литературной работы характерна для Шукшина, вспомним его рабочую записку: «Один борюсь. В этом есть наслаждение. Стану помирать — объясню». Видится здесь и перекличка с творчеством В.В. Маяковского, у которого достаточно часто соотносятся военная семантика и тема творчества: от знаменитых строк «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» <...> до почти батальной панорамы: «Поэмы замерли, / к жерлу прижав жерло / нацеленных / зияющих заглавий. / Оружия / любимейшего / род, / готовая / рвануться в гике, / застыла / кавалерия острот, / поднявши рифм / отточенные пики»⁴). «Попадать дротиком» — значит если не убить, то ранить. В этом смысле не будем забывать шукшинское восхищение перед строкой из пушкинского «Пророка»: «Самые великие слова в русской поэзии: “Востань, пророк, и виждь, и внемли... **Глаголом жги сердца людей!**”», в которой также мотив ранения словом вынесен на первый план. Принятие «боевой» метафоры, свойственной Маяковскому, отсылает нас к эстетике литературы 1920-х: активное воздействие на социум и человека с целью их преобразования.

Итак, стихотворение отражает пассионарность Шукшина, его огромное, выходящее на уровень метафизических категорий, стремление к славе и не менее страстное желание овладеть ремеслом писателя. Вместе с тем, как нам кажется, статья вполне убедительно доказывает необходимость знакомства с черновиками Шукшина, обязательное проведение текстологического анализа при изучении его поэтических опытов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Румянцева О. Говорить правду, только правду / О. Румянцева // О Шукшине: Экран и жизнь. — М., 1979.
2. Макаров А.С. Побывка в Сростках. Документальный рассказ / А.С. Макаров // Шукшинский вестник. — Вып. 1. — Сростки, 2005.
3. Коробов В. Василий Шукшин. — М., 1984.
4. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 8 т. / Под общ. ред. О.Г. Левашовой. — Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения. / Под ред. Д.В. Марьина. — Барнаул : ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2009.
5. Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930-1970 гг. / С.М. Бонди. — М., 1978.
6. Марьин Д.В. К истории переписки В.М. Шукшина с редакцией журнала «Знамя» / Д.В. Марьин // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 359 — Июнь — С. 22-24.
7. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. — Т. 3. — Таллинн, 1993. — С. 345-355.

Марьин Д.В.

*ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», филологический факультет, кафедра русской и зарубежной литературы, кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы
E-mail: dvmariyin@mail.ru*

8. Гордон А.В. Не утоливший жажды: об Андрее Тарковском / А.В. Гордон. — М. : Вагриус, 2007.
9. РГАЛИ Ф. 618 «Знамя». Оп. 17. Ед. хр. 243. Л. 70.
10. Архив ВГИК. Ф. 1. Оп. 24. Ед. хр. 3822. Л. 40-41.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В соответствии с принятой в текстологии системой обозначения [5, 19], в квадратных скобках заключается зачеркнутое автором.
2. См. об этом подробнее [6].
3. Согласно положениям черной магии, договор с Сатаной действует ровно 13 лет. Удивительным совпадением тогда оборачивается сопоставление даты написания текста стихотворения (не ранее августа 1961 г.) и даты смерти писателя (октябрь 1974 г.), которые разделяет промежуток как раз в 13 лет.
4. Из вступления к поэме «Во весь голос» (1930). Поэму Шукшин цитирует во вгиковском вступительном сочинении по литературе на тему «В.В. Маяковский о роли поэта и поэзии» [10], а также в статье «Вопрос самому себе» (1966).

Mariyin D.V.

FGBOU VPO «Altai state university», Faculty of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, Candidate of philology, Doctoral candidate, Docent